

ТЕОРІЯ МОВИ В ЧАСИ АНТИЧНОСТІ

Проблемні питання

1. Учення Лукреція про мову.
2. Погляди Платона на правильність імен.
3. Проблеми граматики в античній філософії.
4. Проблеми семантики в працях Арістотеля.
5. Учення Григорія Ниського та питання походження мовлення.

Основна література

Античные теории языка и стиля. Москва : Алетейя, 1996. С. 111-112, 124-149, 190, 195-198.

Нисский Григорий. Об устройстве человека. Санкт-Петербург : Аксиома, Мифрил, 1995. 176 с. (Глава VII, Глава VIII).

Платон. Кратил. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. / общ. ред. : А. Ф. Лосев. Москва : Мысль, 1994. Том 1. С. 613 – 680.

Тит Лукрецій Кар. Про природу речей. Київ : Дніпро, 1988. (Книга 5. 1026-1088). URL : http://ae-lib.org.ua/texts-c/lucretius__de_rezum_natura__ua.htm#5 (дата звернення: 04.09. 2020).

Додаткова література й інтернет-ресурси

Симашко Т. В. История лингвистических учений : античность, средневековье : учебн. пособ. Архангельск : Поморский ун-т им. М. В. Ломоносова, 2001. 215 с.

Супрун Л. В. Загальне мовознавство. Практичні заняття, самостійна робота : навч. посіб. Київ: Знання, 2012. С. 18-42.

Тит Лукреций Кар. О природе вещей. *Античные теории языка и стиля*. Москва : Алетейя, 1996. С. 71-73. (Книга 5. 1026 - ...).

1. Прочитайте уривок з філософської поеми Лукреція *De rerum natura* (Про природу речей), дайте відповіді на питання, цитуючи відповідні рядки з уривку.

1. Чому Лукрецій обирає поетичну форму для вираження філософських ідей?
2. Яка мовознавча проблема цікавить Лукреція: структура мови; функціонування й варіативність мови; відмінності між мовою людей та

тварин; походження мови? Яку позицію підтримує філософ?

3. З якою метою Лукрецій вдається до всебічної аргументації та наводить чисельні приклади?

4. У чому полягає особливість та новаторство вчення Лукреція про мову? Чи можна вважати його підхід до мови емоційним? Чому?

5. Як філософ пояснює формування імен? Як створюються враження про речі в поясненні Лукреція: простим спогляданням чи усвідомленням корисних та шкідливих властивостей речей? Відповідно до чого створюються імена речей? Кого Лукрецій вважає ономатетом?

6. Існує думка, що в античній філософії проблема походження мови фактично осмислювалася як питання походження звукової оболонки слів. Чи узгоджується з такою концепцією підхід Лукреція?

Тіт Лукрецій Кар. Про природу речей.

- 1026] Звуки ж усякі з грудей добувати людину природа
1027] Змусила; назви речам - необхідність сама підшукала.
1028] Так і дитина, котра ще не вміє промовити слова,
1029] До мимовільних, як бачимо, рухів нерідко вдається:
1030] Вказує пальцем, наприклад, на річ якусь, що перед нею,
1031] Кожне створіння-бо чує призначення сили своєї.
1032] От іще ріжки в бичка не пробились на лобі, а вже він
1033] Хоче, розгніваний, вдарити ними, грозить раз од разу.
1034] Так і малята пантер і левиць, хоч нема ще в них кігтів,
1035] Хоч не прорізались ікла закривлені,- при небезпеці
1036] Шкіряться, лапками б'ють, норовлять, ще беззубі, вкусити.
1037] Так і пернатих весь рід покладається змалку на крила:
1038] Ледве опірене - вже порятунку пташа в них шукає.
1039] Думати, отже, що хтось був такий, що давав усілякі
1040] Назви речам, і що люд відтоді розмовляти навчився,-
1041] Безум, та й годі. Адже, якщо міг він усе позначати
1042] Словом і будь-який звук видавати, звернувшись до мови,-
1043] Слід уважати, що й інші могли це зробити в ту пору.
1044] Та, припустім, не могли, не було в них ще в обігу слово,-
1045] Звідки ж запало в того, хто навчив усіх мови, поняття
1046] Про необхідність її та користь, відкіля він міг знати,
1047] Перший, за що саме взятись і задум побачити в думці?
1048] Втім, не зумів би один - багатьох одночасно схилити
1049] Й перекопати, щоб так от і стали, раденькі, вивчати
1050] Назви речей. А ще спробуй втовкмач-но глухому до слова,
1051] Що та до чого... Вони ж анізащо б тоді не хотіли
1052] Довго терпіти того, щоб якісь там нечувані звуки

1053] Ти їм у вуха вбивав надаремно. І ще одне, врешті:
1054] Чи аж таке вже велике тут диво, що рід умирущих,
1055] Голосом і язиком володіючи, дав поступово
1056] Назви окремим речам, відповідно до вражень окремих?
1057] Таж і тварини німі, й покоління всілякого звіра
1058] Звикли за різних умов подавати неоднакові звуки:
1059] Страх одчують чи біль, а чи втіху - по голосу видно.
1060] В цьому на кожному кроці тобі пересвідчитись можна:
1061] Ось, коли лютих молоських собак щось почне дратувати,
1062] Й зуби вже шкрять вони, розсуваючи губи відвислі,
1063] їхнє гарчання глухе не подібне ж нічим до лункого
1064] Гавкоту, що за хвилину якусь колихне все повітря.
1065] Ну, а коли язиком раз од разу щенят своїх лижуть
1066] Чи, поваливши їх лапою, шкряться, начебто мітять
1067] Зубом на них, але тільки вдають, що вкусити готові,
1068] То скавучать тоді зовсім не так, ніж тоді, як удома
1069] їх під замком залишають самими, або коли, биті,
1070] З-під батога пориваються геть, завиваючи з болю.
1071] Врешті, не чуєш різниці хіба, як ірже десь у полі
1072] Між кобилицями кінь ошалілий у розквіті віку,
1073] Богом любові крилатим пришпорений; як перед боєм,
1074] Ніздрями ловлячи подув, ірже він, а як - на щось інше
1075] Голос дзвінкий подає, гарячкове здригаючись тілом?
1076] Ну, і нарешті пташиний весь рід, усілякі пернаті -
1077] Чайки, шуліки, орлани,- коли понад морем ширяють,
1078] їжі, прожитку для себе шукаючи в хвилі солоній,
1079] То під час того, завваж, вони скрикують зовсім інакше,
1080] Ніж коли здобич беруть чи як іноді б'ються за неї.
1081] Деякі з них від погоди залежно свій мовби охриплий
1082] Змінюють голос; ворони, скажімо, птахи довговічні,
1083] Й воронів зграї,- коли, за повір'ям, дощі накликають,
1084] Вітряну днину чи млисту вологість накаркати хочуть.
1085] Тож, коли різні чуття і тварин, і птахів спонукають,
1086] Хоч безсловесні вони, голоси видавати всілякі,
1087] То чи почнеш тут ламать собі голову, як це зуміли
1088] Люди стільком неподібним речам дати назви окремі?

2. Прочитайте уривок із діалогу Платона *Кратил* про значення мови, дайте відповіді на питання, цитуючи відповідні рядки з уривку.

Зазначимо, що діалог Платона *Кратил* – один із найсуперечливіших філософських творів, у якому розгортається дискусія навколо центральної для античної філософії мови теорії найменування. Кратил не

лише розкриває погляди на правильність імен, а й пропонує методи створення правильних імен шляхом аналізу процесу номінації.

Учасниками дискусії є Кратил, Гермоген та Сократ. Кратил і Гермоген висловлюють протилежні погляди на зв'язок імені та речей. Сократ залучається до дискусії задля розв'язання суперечок.

1. Як Сократ заперечує повний суб'єктивізм та абсолютну довільність у момент створення імені?

2. Знайдіть цитату на підтвердження того, що Гермоген критично ставиться до теорії умовного походження імен.

3. Знайдіть в уривку аргументи, які наводить Сократ стосовно того, що імена надаються речам за об'єктивним законом.

4. У який спосіб Сократ пропонує досліджувати правильність встановлення імен?

5. Знайдіть цитату, яка ілюструє критичне ставлення філософів до релятивізму у встановленні імен.

6. Чи можна підтримати Сократа й стверджувати правильність імен як просту репрезентацію реалій у нашій свідомості? Знайдіть підтвердження в тексті.

7. Чому Сократ називає імена дгр. πῦρ “вогонь”, дгр. ὕδωρ “вода”, дгр. κύων “собака” варварськими? За допомогою етимологічних словників з'ясуйте походження цих назв.

8. Як вирішується в *Кратилі* проблема етимологізації? Доведіть, що античні вчені розрізняли первинні назви та похідні від них і вважали, що саме первинні назви ґрунтуються на подібності матеріалу знака та позначуваної цим знаком речі.

9. У чому Платон вбачає доцільність поділу знака на складники? Як тлумачили первісні значення слів?

10. У чому полягає принципова відмінність за Сократом між “імітацією” речей чи “уподібненням” предметам, які спостерігаються в музиці / живописі та які наявні в мові (тобто в іменах)?

11. Чому Кратилу важко погодитися з тим, що ім'я може бути “надано неправильно”?

12. Як Сократ обґрунтовує міркування про неможливість пізнання речей через дослідження їхніх імен?

13. Прокоментуйте гносеологічні висновки Сократа.

Г. Кратил вот здесь говорит, Сократ, что существует правильность имен, присущая каждой вещи от природы, и вовсе не та произносимая вслух частица нашей речи, которой некоторые из нас договорились называть каждую вещь, есть имя, но определенная правильность имен прирождена и эллинам, и варварам, всем одна и та же. <...> Так вот, если ты можешь как-то истолковать это Кратилово пророчество, я бы выслушал с удовольствием. А лучше, с еще большим удовольствием я узнал бы, что сам ты думаешь о правильности имен. <...>

С. <...> Однако я уже говорил: узнать вещи такого рода трудно, а нужно сообща сопоставить наши мнения и посмотреть, так ли обстоит дело, как говоришь ты или как Кратил.

Г. Так ведь что до меня, Сократ, то я часто и с ним разговаривал, и со многими другими, но ни разу меня не убедили, будто правильность имени есть что-то другое, нежели договор и соглашение. Ведь мне кажется, какое имя кто чему-либо установит, такое и будет правильным. Правда, если он потом установит другое, а тем, прежним, именем больше не станет это называть, то новое имя будет ничуть не менее правильным, нежели старое; ведь когда мы меняем имена слугам¹, вновь данное имя не бывает же менее правильным, чем данное прежде. Ни одно имя никому не врождено от природы, оно зависит от закона и обычая тех, кто привык что-либо так называть <...>. я могу называть любую вещь одним именем, какое я установил, ты же – другим, какое дал ты. То же самое я наблюдаю и в городах – иногда одни и те же вещи в каждом городе называются особо, у одних эллинов не так, как у других, и у эллинов не так, как у варваров.

¹ Слугам—собственно домашним или домочадцам, οἰκέταις. Греки, по естественной мягкости своего характера, этим же именем называли и рабов, подобно римлянам, которые давали им имена familiae и familiarium. См. Athenaeus VI, 19. Pollux III, 82. Senec. Epist. 47. Macrobi. Saturn. I, 9. Но так как имена рабов были различны и происходили от различных причин и случаев, то очень могло быть, что они называемы были то теми, то другими именами, по произволу господ. Забавен на этот счет рассказ Аммония Гермиса у Аристотеля (De interpret. p. 31 sqq.). Диодор Кронос, чтобы доказать произвольность имен, называл своих рабов частицами языка, и одного именно заключительную частицею ἀλλὰ μὴν.

С. Что ж, давай посмотрим, Гермоген. Может быть, тебе и относительно вещей все представляется так же, а именно, что сущности вещей для каждого человека особые, по словам Протагора, утверждающего, что «мера всех вещей – человек», и, следовательно, какими мне представляются вещи, такими они и будут для меня, а какими тебе, такими они будут для тебя? <...>

С. Итак, если не все сразу одинаково для всех и всегда и если не особо для каждого существует каждая вещь, то ясно, что сами вещи имеют некую собственную устойчивую сущность безотносительно к нам и независимо от нас и не по прихоти нашего воображения их влечет то туда, то сюда, но они возникают сами по себе, соответственно своей сущности.

Г. Я полагаю, Сократ, так оно и есть.

С. Тогда, может быть, сами они возникли таким образом, а вот действия их происходят иным способом? Или и сами они представляют собою один какой-то вид сущего, эти действия?

Г. Ну, конечно же, и они сами.

С. В таком случае и действия производятся в соответствии со своей собственной природой, а не согласно нашему мнению. Например, если бы мы взяли какую-либо вещь разрезать, то следует ли это делать так, как нам заблагорассудится, и с помощью того орудия, какое нам заблагорассудится для этого выбрать? Или только в том случае, если мы пожелаем разрезать вещь в соответствии с природой разрезания, то есть в соответствии с тем, как надо резать и подвергаться разрезанию, и с помощью какого орудия, данного для этого от природы, – лишь тогда мы сможем эту вещь разрезать и у нас что-то получится, и мы поступим правильно? И с другой стороны, если мы будем действовать против природы, то совершим ошибку и ничего не добьемся?

Г. Я думаю, это так. <...>

С. А говорить – не есть ли одно из действий?

Г. Да. <...>

С. Эти действия, как мы уже выяснили, существуют безотносительно к нам и имеют какую-то свою особую природу?

Г. Верно.

С. В таком случае и давать имена нужно так, как в соответствии с природой вещей следует их давать и получать, и с помощью того, что для этого природою предназначено, а не так, как нам заблагорассудится <...>. Ты не знаешь, кто передал нам имена, которыми мы пользуемся?

Г. Право, не знаю.

С. Не кажется ли тебе, что их дал закон? <...> А как ты полагаешь, законодателем может быть любой человек или тот, кто знает это искусство?

Г. Тот, кто его знает. <...>

С. Итак, давай посмотрим, на что обращает внимание законодатель, устанавливая имена. А рассмотрим мы это, исходя из ранее сказанного. На что обращает внимание мастер, делая челнок? Вероятно, на что-нибудь такое, что самой природой предназначено для тканья?

Г. Разумеется.

С. Что же, а если во время работы челнок у него расколется, то делая новый, станет ли он смотреть на расколовшийся челнок или на тот образец², по которому он его делал?

Г. На тот образец, я думаю.

С. Не вправе ли мы сказать, что этот образ и есть то, что мы называем челноком? <...> Таким образом, бесценнейший мой, законодатель, о котором мы говорили, тоже должен уметь воплощать в звуках и слогах имя, причем то самое, какое в каждом случае назначено от природы. Создавая и устанавливая всякие имена, он должен также обращать внимание на то, что представляет собою имя как таковое, коль скоро он собирается стать

² Эйдос, др. εἶδος.

полновластным учредителем имен. И если не каждый законодатель воплощает имя в одних и тех же словах, это не должно вызывать у нас недоумение. Ведь и не всякий кузнец воплощает одно и то же орудие в одном и том же железе: он делает одно и то же орудие для одной и той же цели; и пока он воссоздает один и тот же образ³, пусть и в другом железе, это орудие будет правильным, сделает ли его кто-то здесь или у варваров. Так?

Г. Разумеется.

С. Следовательно, ты так же судишь и о законодателе, будь он здешний или из варваров. Пока он воссоздает образ имени, подобающий каждой вещи, в каких бы то ни было слогах, ничуть не хуже будет здешний законодатель, чем где-нибудь еще. <...> Гермоген, боюсь, что не такое уж это ничтожное дело – установление имени, и не дело людей неискусных или случайных. И Кратил прав, говоря, что имена у вещей от природы и что не всякий мастер имен, а только тот, кто обращает внимание на присущее каждой вещи по природе имя и может воплотить этот образ в буквах⁴ и слогах.

Г. Я не могу, Сократ, должным образом возразить на твои слова, и в то же время нелегко так внезапно чему-то поверить. Но мне сдается, я поверил бы тебе скорее, если бы ты мне показал, что, собственно, ты называешь правильностью имени от природы.

С. Я-то, дорогой мой Гермоген, ни о какой такой правильности не говорю; ты забыл, что я говорил немногим раньше: я этого, пожалуй, не знаю, но исследую вместе с тобой. Теперь же, пока мы это рассматривали, ты и я, многое уже прояснилось в сравнении с прежним: и что у имени есть какая-то правильность от природы, и что не всякий человек способен правильно установить это имя для какой-либо вещи. Не так ли?

Г. Именно так.

С. В таком случае нам нужно продолжить наше исследование, если, конечно, ты желаешь знать, в чем состоит правильность имени.

Г. Как раз это я и желаю знать.

С. Тогда смотри.

Г. Как же нужно смотреть?

С. Правильнее всего, дружище, делать это вместе со знающими людьми <...>. Ну если тебе и это не нравится, остается учиться у Гомера и у других поэтов.

Г. А что, Сократ, говорит Гомер об именах? И где?

С. Во многих местах. А больше и лучше всего там, где он различает, какими именами одни и те же вещи называют люди и какими боги. Или ты не находишь, что как раз здесь им сказано нечто великое и удивительное по поводу правильности имен? Ведь совершенно ясно, что уж боги-то называют вещи правильно – теми именами, что определены от природы. Или ты не находишь?

Г. О, конечно, я прекрасно знаю, что если они что-то называют, то называют правильно. Но о чем именно ты говоришь?

С. Разве ты не знаешь, что тот поток в Трое, который единоборствовал с Гефестом, боги, по словам Гомера, называют Ксанфом, а люди – Скамандром?⁵ <...> Так как же? Не находишь ли ты, что очень важно, почему, собственно, более правильно этот поток называть Ксанфом, нежели Скамандром? <...> Правда, это может оказаться несколько выше

³ Дгр. *идеа*.

⁴ Древние не различали звуки и буквы.

⁵ Гомер «Илиада» (Перевод Н.И. Гнедича XX 73 – 74): *Против Гефеста – поток быстроводный, глубоководный, Ксанфом от вечных богов нареченный, от смертных – Скамандром. Ксанф (Скамандр) – река, берущая начало в горах Иды, протекающая по долине Трояды, где находилась Троя (Илион), и впадающая в Эгейское море (ныне Мендерессу), в античности русло этой реки пролегалo вблизи Трои. Слово *ксанф* обозначает 'рыжий, бурый, желтый, золотисто-желтый'. Ср.: «Симосент и Скамандр, сливаясь на равнине, несут с собой много ила, заносят побережье» (Страбон. «География» в 17 книгах / Под общей ред. С.Л. Утченко. М., 1994, с. 558). Поэтому, возможно, с точки зрения Платона, имя Ксанф, своей внутренней формой указывающее на цвет воды данной реки, является более правильным по сравнению с именем Скамандр.*

⁵ *Археполис* – слово, состоящее из двух основ: «власть» (*архэ*) и «город» (*полис*), т.е. оно близко по своему значению к имени «Астианакт» («владыка города»).

нашего с тобой понимания. А вот имена Скамандрий и Астианакт вполне в человеческих силах рассмотреть, как мне кажется. Имена эти, по словам Гомера, были у Гекторова сына <...>, он думал, что более правильно звать мальчика Астианактом, нежели Скамандрием?

Г. Очевидно.

<...>

С. Однако, добрый мой друг, имя Гектора тоже установил сам Гомер?

Г. Ну и что?

С. А то, что, мне кажется, оно чем-то близко имени Астианакта, и оба этих имени похожи на эллинские. Слова *αναξ* (владыка) и *εκτωρ* (держатель) значат почти одно и то же, имена эти – царские. Ведь над чем кто владыка, того же он и держатель. Ясно ведь, что он вместе и властвует, и обладает, и держит. Или тебе кажется, что я говорю вздор и обманываю себя, думая, что напал на след Гомерова представления о правильности имен?

Г. Клянусь Зевсом, вовсе нет. Как мне кажется, ты и правда на что-то такое напал.
<...>

С. Прекрасно. Вот и последи за мной, чтобы я как-нибудь не сбил тебя с толку. <...> если у царя появится потомок, его следует называть царем. А теми же ли слогами или другими будет обозначено одно и то же – не имеет значения. И если какая-то буква прибавится или отнимется, неважно и это, доколе остается нетронутой сущность вещи, выраженная в имени.

Г. Как это?

С. Здесь нет ничего хитрого. <...> Ведь от царя будет царь, от доброго – добрый и от славного – славный. И во всем остальном так же <...>. Можно, правда, разнообразить слоги, чтобы человеку неискушенному казалось, что это разные имена, в то время как они одни и те же. Как, скажем, снадобья врачей, разнообразные по цвету и запаху, кажутся нам разными, в то время как они одни и те же, а для врача, когда он рассматривает их возможности, они кажутся тождественными и не сбивают его с толку своими примесями. Так же, наверно, и сведущий в именах рассматривает их значение, и его не сбивает с толку, если какая-то буква приставляется, переставляется или отнимается или даже смысл этого имени выражен совсем в других буквах.

<...>

С. Мне кажется, я вижу Гераклита, как он изрекает древнюю мудрость о Кроносе и Рее; у Гомера, впрочем, тоже есть об этом.

Г. Это ты о чем?

С. Гераклит говорит где-то: «все движется и ничто не остается на месте», а еще, уподобляя все сущее течению реки (*ροή*), он говорит, что «дважды тебе не войти в одну и ту же реку». <...> Ты полагаешь, далек был от этой мысли Гераклита тот, кто установил прародителям всех остальных богов имена Рее и Кроноса?⁶ Или, по-твоему, у Гераклита случайно, что имена обоих означают течение? <...>

Г. Мне кажется, ты дельно говоришь, Сократ. <...> А как же огонь и вода?

С. Огонь? Затрудняюсь сказать. <...> А все же смотри, какое ухищрение я придумал для всего того, что я затруднился бы объяснить. <...> Смотри же, что я здесь подозреваю. Мне пришло в голову, что многие имена эллины заимствовали у варваров, особенно же те эллины, что живут под их властью.

Г. Так что же?

С. Если кто-либо возьмется исследовать, насколько подобающим образом эти имена установлены, исходя из эллинского языка, а не из того, из которого они, как оказывается, взяты, то понятно, что он встанет в тупик.

Г. И поделом.

С. Взгляни теперь, может быть, и это имя – «огонь» (*πῦρ*) – варварское? Ведь эллинскому наречию и справиться с ним нелегко, да к тому же известно, что так его

⁶ Сократ производит имя *Рее* от *ρεῖν* (течь); *Кронос* от *κρονός* (источник).

называют фригийцы, лишь немного отступая от этого произношения; то же самое относится к именам «вода» (ὕδωρ), «собаки» (κύνας) и многим другим. [9] <...> Ну ладно. Что же у нас было за этим?

Г. Времена года, Сократ. <...>

С. «Времена года» (ἔρα) нужно произносить по-аттически (ορα), как и встарь, если хочешь знать вероятное их значение. Они так называются по праву, ибо как бы отгораживают (ορίζουσιν) зиму от лета, время бурь от времени, когда земля дает плоды. <...> лишь старое имя выражает замысел учредителя. <...> Оно, видимо, более правильно установлено, нежели теперешнее <...>.

Г. Мне кажется, Сократ, ты здорово разобрал. Ну а если кто-нибудь спросил бы тебя: а «шестящее», «текущее», «обязывающее» – какая правильность у этих имен?

С. Что бы мы ему ответили, говоришь ты? Так?

Г. Вот именно.

С. Так ведь одно мы уже изобрели, позволяющее нам казаться людьми, рассуждающими дельно. <...> А вот: считать чем-то варварским то, чего мы не знаем. Какие-то имена, может быть, и правда таковы; но может быть, что причина недоступности смысла первых имен – в их глубочайшей древности: ведь после всевозможных извращений имен не удивительно, что наш древний язык ничем не отличается от нынешнего варварского.

Г. Твои слова не лишены смысла.

С. Да ведь я говорю очевидные вещи. Впрочем, мне кажется, дело не терпит отлагательств, и нам нужно обратиться к его рассмотрению. Вдумаемся же: если кто-то непрестанно будет спрашивать, из каких выражений получилось то или иное имя, а затем начнет так же выпытывать, из чего эти выражения состоят, и не прекратит этого занятия, разве не появится в конце концов необходимость отказать ему в ответе?

Г. Я допускаю это.

С. Так когда же отвечающий вправе будет это сделать? Не тогда ли, когда дойдет до имен, которые уже выступают как бы в качестве первоначал, из которых состоят другие имена и слова? Ведь мы не вправе подозревать, что и они состоят из других имен, если они действительно простейшие. <...> Значит и те имена, о которых ты спрашиваешь, могут оказаться простейшими, и нужно уже другим каким-то способом рассматривать, в чем состоит их правильность? <...> Ведь все слова, о которых мы уже говорили, видимо, восходят как раз к таким именам. Если это правильно, – а мне кажется, что это так, – посмотри тогда вместе со мной, не вздор ли я несу, рассуждая о том, какова правильность первых имен?

Г. Ты только говори, а я уж буду следить за рассуждением вместе с тобой, насколько я в силах.

С. Ну с тем, что у всякого имени, и у первого, и у позднейшего, правильность одна и та же и ни одно из них не лучше другого как имя, думаю я, и ты согласен?

Г. Разумеется.

С. Далее, у тех имен, которые мы рассматривали, правильность была чем-то таким, что указывало на качества каждой вещи?

Г. А как же иначе?

С. Значит, это в равной степени должны делать и первые, и позднейшие имена, коль скоро они суть имена.

Г. Верно.

С. Но позднейшие, видно, были способны выражать это через посредство первых. <...> А вот те, первые, которые не заключают в себе никаких других, каким образом смогут они сделать вещи для нас предельно очевидными, если только они действительно имена? Ответ мне вот что: если бы у нас не было ни голоса, ни языка, а мы захотели бы объяснить другим окружающие предметы, не стали бы разве обозначать все с помощью рук, головы и вообще всего тела, как делают это немые?

Г. Другого способа я не вижу, Сократ.

С. <...> В таком случае имя, видимо, есть подражание⁷ с помощью голоса тому, чему подражают, и имя тому, чему подражают, дается при помощи голоса.

Г. Мне кажется, так.

<...>

С. Ну прежде всего, мне кажется, не такое, какое бывает тогда, когда мы подражаем вещам музыкой, хотя и тогда мы подражаем с помощью голоса. <...> Искусство наименования, видимо, связано не с таким подражанием, когда кто-то подражает подобным свойствам вещей. <...> А подражание, о котором мы говорим, что собой представляет? Не кажется ли тебе, что у каждой вещи есть еще и сущность, как есть цвет и все то, о чем мы здесь говорили? <...> Если кто-то мог бы посредством букв и слогов подражать в каждой вещи именно этому, сущности, разве не смог бы он выразить каждую вещь, которая существует? Или это не так?

Г. Разумеется, так. <...>

С. Однако какой бы нам найти способ различения того, где именно начинает подражать подражающий? Коль скоро это будет подражанием сущему посредством слогов и букв, то не правильнее ли всего начать с различения простейших частиц. <...> Хорошенько все это рассмотрев, нужно уметь найти для каждой (вещи) наиболее соответствующее ей (имя): либо одно слово связать с одной вещью, либо отнести к этой вещи смесь многих слов. <...> Смешным, я думаю, должно казаться, Гермоген, что из подражания посредством букв и слогов вещи станут для нас совершенно ясными. Однако это неизбежно, ибо у нас нет ничего лучшего, к чему мы могли бы прибегнуть для уяснения правильности первых имен, <...> ты ведь не хочешь, чтобы и мы так же отделались от нашего предмета, сказав, что первые имена установили боги и потому они правильны? А может быть, нам сказать, что они взяты у каких-нибудь варваров? <...> Или что за древностью лет эти имена так же невозможно рассмотреть, как и варварские? Ведь все это были бы увертки <...> для того, кто не хочет рассуждать о первых именах. <...> А между тем, если он почему бы то ни было не знает правильности первых имен, он не сможет узнать и позднейшие, ибо по необходимости они выражаются через те самые первые, о которых он ничего не знает. <...> Но все-таки то, что я почувствовал в первых именах, кажется мне заносчивым и смешным. С тобой я, конечно, этим поделюсь, коли хочешь. <...> Итак, прежде всего *rho* представляется мне средством (выразить) всякое движение. <...> Я думаю, законодатель видел, что во время произнесения этого звука язык совсем не остается в покое и сильнейшим образом сотрясается. Поэтому, мне кажется, он и воспользовался им для выражения соответствующего действия. <...> Так же, я думаю, и во всем остальном: он подбирал по буквам и слогам знак для каждой вещи и таким образом создавал имена. А последующие имена он составлял уже из этих, действуя подобным же образом. Вот какова, мне кажется, Гермоген, должна быть правильность имен, если только Кратил чего-нибудь не возразит. <...>

К. <...> Так и мне, Сократ, будто прямо в душу запали твои пророчества <...>.

С. Добрый мой Кратил, я и сам давно дивлюсь своей мудрости и не доверяю ей. Видимо, мне еще самому нужно разобраться в том, что я, собственно, говорю. <...> Вот и теперь давай посмотрим, что у нас уже сказано. Правильность имени, говорили мы, состоит в том, что оно указывает, какова вещь. <...> Так не сказать ли нам, что это (устанавливать имена. – Т.С.) – искусство и что существуют люди, владеющие им?

К. Это верно.

С. Следовательно, так же и законодатели: у одних то, что они делают, получается лучше, у других – хуже?

К. Я этого пока не нахожу.

С. Выходит, что все имена установлены правильно?

⁷ Дгр. μιμίσις “мімезис, тобто відтворення образу / ідеї ейдоса”.

- К. По крайней мере те, что действительно суть имена. <...>
- С. Ну хорошо. Давай чуть-чуть отвлечемся, Кратил. Может быть, ты согласишься, что одно дело – имя, а другое – кому оно принадлежит?
- К. Ну положим.
- С. А согласен ли ты, что имя есть некое подражание вещи?
- К. В высшей степени.
- С. Не полагаешь ли ты, что и живописные изображения – это подражания каким-то вещам, но подражания, выполненные неким иным способом?
- К. Да. <...>
- С. Скажи, можно ли различать эти изображения в их отношении к вещам, подражания которых они собой представляют, или же нет?
- К. Можно.
- С. Итак, <...> может ли кто-то <...> изображение мужчины отнести к женщине, а изображение женщины – к мужчине?
- К. Может случиться и так.
- С. И оба этих распределения будут правильными? Или только одно из двух?
- К. Только одно.
- С. <...> Ведь имя тоже в некотором роде есть подражание, как и картина, <...> если это так и можно распределять имена неверно, относя к вещам не то, что им подобает, но иногда и то, что им не подходит, то таким же образом можно составлять и выражения. <...> Если мы еще раз уподобим первые имена картинам, то скажем, что, как в живописи, в них можно воплотить все подобающие цвета и очертания, а иной раз и не все – некоторые можно опустить, некоторые добавить в большей или в меньшей мере. Или так сделать нельзя?
- К. Можно. <...>
- С. Ну а тот, кто подражает сущности вещей с помощью слогов и букв? С таким же успехом и он, если отразит все подобающие черты, получит прекрасное изображение, которое и будет именем; если же он какие-то черты опустит, а иной раз и добавит, то, хотя и получится какое-то изображение, оно не будет прекрасным! Так что и среди имен одни будут хорошо сделаны, а другие – худо?
- К. Возможно. <...>
- С. Значит, возможно, клянусь Зевсом, чтобы, как и в других искусствах, один законодатель был хорошим, другой же – худым, коль скоро ты согласен с прежним моим утверждением.
- К. Да, это так. Но взгляни и ты, Сократ, когда мы эти буквы – альфу, бету и любую другую – присваиваем именам по всем правилам грамматики, то, если мы что-то отнимем или добавим, или переставим, ведь нельзя будет сказать, что имя написано, хоть и неправильно: ведь оно вообще не будет написано и тотчас станет другим именем, если претерпит что-либо подобное.
- С. Ты не боишься, Кратил, что из такого рассмотрения у нас не выйдет ничего хорошего?
- К. Почему же?
- С. Может быть, с теми вещами, которые существуют или не существуют в зависимости от того или иного количества, дело так и обстоит, как ты говоришь: скажем, если к десяти или любому другому числу что-то прибавить или отнять, тотчас получится другое число. Но у изображения совсем не такая правильность, но, напротив, вовсе не нужно воссоздавать все черты, присущие предмету, чтобы получить образ⁸. Смотри же, так ли я рассуждаю? Будут ли это две разные вещи – Кратил и изображение Кратила, если кто-либо из богов <...> сделает все, как у тебя, и поставит это произведение рядом с тобой, будет ли это Кратил и изображение Кратила, или это будут два Кратила?

⁸ По мнению Сократа, здесь и ниже подражание (изображение предмета, или его *образ*, – εἰκών) не может быть буквальным копированием. Здесь сказывается принципиальная новизна Платона по сравнению со старой натурфилософией, еще не порвавшей с мифологической значимостью имени.

К. Два Кратила, Сократ. Мне по крайней мере так кажется.

С. Так что видишь, друг мой, нужно искать какой-то иной правильности изображений и того, о чем мы здесь говорим, и не следует настаивать на том, что если чего-то недостает или что-то есть в избытке, то это уже не изображение. <...> Да ведь смешные вещи, Кратил, творились бы с именами и вещами, которым принадлежат эти имена, если бы они были во всем друг другу тождественны. Тогда все бы словно раздвоилось, и никто не мог бы сказать, где он сам, а где его имя.

К. Это правда.

С. Поэтому смелее допустим, благородный друг, что одно имя присвоено хорошо, другое же – нет. И не настаивай на том, что имя должно иметь лишь такие звуки, какие делали бы его полностью тождественным вещи, которой оно присвоено. Допустим, что и какая-то неподходящая буква может тут быть добавлена. <...> но от этого ничуть не хуже можно называть вещи и рассуждать о них, пока сохраняется основной облик вещи <...>. Если отражены все подобающие черты – прекрасно, если же малая часть их – то плохо. Так бросим, милый мой, этот разговор <...>. Или уж поищи тогда какой-нибудь другой правильности и не соглашайся, что имя есть выражение вещи с помощью букв и слогов. <...> если же какое-то имя присвоено плохо, то, верно, в большей своей части оно будет состоять из подобающих букв – подобных вещи, – раз оно все-таки остается изображением, но при этом оно будет иметь и неподобающие буквы, из-за чего мы скажем, что это неправильное имя и присвоено худо. Так или нет?

К. Я думаю, нам с тобой не стоит сражаться, Сократ, хотя мне не нравится называть что-либо именем, но говорить при этом, что оно плохо присвоено.

С. А может быть, тебе вообще не нравится, что имя есть выражение вещи? <...> Или тебе больше нравится <...> что-де имена – это результат договора и для договорившихся они выражают заранее известные им вещи, и в этом-то и состоит правильность имен – в договоре, – и безразлично, договорится ли кто-то называть вещи так, как это было до сих пор, или наоборот <...>.

К. Ну, это совсем разные вещи, Сократ, – выражать что-то с помощью подобия или как попало.

С. Ты говоришь отлично. В таком случае если имя будет подобно вещи, то по природе необходимо, чтобы и буквы, из которых составлены первые имена, были подобны вещам. <...> Но вот что скажи мне: какое значение имеют для нас имена и что хорошего, как мы бы сказали, они выполняют?

К. Мне кажется, Сократ, они учат. И это очень просто: кто знает имена, тот знает и вещи. <...>

С. А может быть, в этом же состоит и постижение вещей: кто постигнет имена, тот постигнет и то, чему принадлежат эти имена? Или исследовать и постигать вещи нужно иным каким-то способом? А это – способ учиться вещам?

К. Ну конечно, это способ исследования и постижения вещей, по той же самой причине.

С. Тогда давай поразмыслим, Кратил. Если кто-то в своем исследовании вещей будет следовать за именами и смотреть, каково каждое из них, не думаешь ли ты, что здесь немалая опасность ошибиться?

К. Каким образом?

С. Ведь ясно, что первый учредитель имен устанавливал их в соответствии с тем, как он постигал вещи. <...> Значит, если он постигал их неверно, а установил имена в соответствии с тем, как он их постигал, то что ожидает нас, доверившихся ему и за ним последовавших? Что, кроме заблуждения?

К. Думаю, это не так, Сократ. Необходимо, чтобы имена устанавливал знающий учредитель. В противном случае, как я уже говорил раньше, это не имена. <...> Разве ты не видишь этого – ты, который говорил, что все имена возникли по одному и тому же способу и направлены к одному и тому же?

С. Но знаешь, друг мой Кратил, это не оправдание. Ведь если учредитель обманулся в самом начале, то и остальное он поневоле делал уж так же, насильно согласовывая дальнейшее с первым. В этом нет ничего странного <...>. Помнишь, ты только что сказал, что учредитель имен непременно должен был знать вещи, которым устанавливал имя. <...> Тот, кто первый устанавливал имена, устанавливая их, говоришь ты, знал эти вещи?

К. Знал.

С. Но по каким именам он изучал или исследовал вещи, если еще ни одно имя не было присвоено? Мы ведь говорили раньше, что невозможно исследовать вещи иначе, как изучив имена или исследовав их значение?

К. В том, что ты говоришь, что-то есть, Сократ.

С. Тогда каким же образом, сказали бы мы, они могли устанавливать со знанием дела имена или оказаться законодателями, если еще не было присвоено ни одного имени, по которому они могли бы узнать, что вещи нельзя постичь иначе как из имен?

К. Я думаю, Сократ, что справедливее всего говорят об этом те, кто утверждает, что какая-то сила, высшая, чем человеческая, установила вещам первые имена, так что они непременно должны быть правильными.

С. Ты думаешь, такой учредитель, будь он гений или бог, мог бы сам себе противоречить? Или ты считаешь, что до сих пор мы болтали вздор?

К. Но противоположные имена исходили уже не от них.

С. Какие же именно, превосходнейший? <...> если возмутятся имена и одни скажут, что именно они – подобие истины, другие же – что они, как мы сможем их рассудить, к чему мы прибегнем? <...> Ясно, что нужно искать помимо имен то, что без их посредства выявило бы для нас, какие из них истинны, то есть показывают истину вещей.

К. Мне кажется, это так.

С. Если это так, Кратил, то можно, видимо, изучать вещи и без имен.

К. Очевидно.

С. Но с помощью чего же другого и как предложил бы ты их изучать? <...> Так вот, узнать, каким образом следует изучать и исследовать вещи, это, вероятно, выше моих и твоих сил. Но хорошо согласиться и в том, что не из имен нужно изучать и исследовать вещи, но гораздо скорее из них самих. <...> Смотри же, бесценный друг мой, что я часто вижу, словно в грезах. Могли бы мы сказать, что есть что-то прекрасное и доброе само по себе и что это относится к каждой существующей вещи? Или нет?

К. Мне кажется, могли бы, Сократ.

С. Но можно ли тогда что-либо правильно именовать, если оно всегда ускользает, и можно ли сначала сказать, что оно представляет собою то-то, а затем, что оно уже такое-то, или же в тот самый момент, когда бы мы это говорили, оно необходимо становилось уже другим и ускользало и в сущности никогда бы не было таким, (каким мы его назвали)?

К. Именно так.

С. Но разве может быть чем-то то, что никогда не задерживается в одном состоянии? Ведь если бы оно когда-нибудь задерживалось в этом состоянии, то тут же стало бы видно, что оно несколько не изменяется; с другой стороны, если дело обстоит так, и оно остается самим собой, как может оно изменяться или двигаться, не выходя за пределы своей идеи?

К. Никак не может. <...>

С. И видимо, нельзя говорить о знании, Кратил, если все вещи меняются и ничто не остается на месте. <...> А если существует вечно познающее, то есть и познаваемое, есть и прекрасное, и доброе, и любая из сущих вещей, и мне кажется, что то, о чем мы сейчас говорили, совсем не похоже на поток или порыв. Выяснить, так ли это или так, как говорят последователи Гераклита и многие другие, боюсь, будет нелегко; и несвойственно разумному человеку, обратившись к именам, ублажать свою душу и, доверившись им и их присвоителям, утверждать, будто он что-то знает, <...> и думать, и располагать вещи так, как если бы все они были влекомы течением и потоком. Поэтому-то, Кратил, дело обстоит, может быть, так, а может быть, и не так. Следовательно, здесь надо все мужественно и

хорошо исследовать и ничего не принимать на веру: ведь ты молод и у тебя еще есть время. Если же, исследовав это, ты что-то откроешь, поведдай об этом и мне. <...>
новизна Платона по сравнению со старой натурфилософией, еще не порвавшей с мифологической значимостью имени.

*** Ремарки подано за: *Платон. Кратил*. URL : http://www.odiblago.ru/platon_5/4 (дата звернення: 18.02. 2020) та *Симашко Т. В. История лингвистических учений : античность, средневековье, 2001.*

3. Поняття 'граматика' неоднаково інтерпретоване в античних філософів і суттєво відрізняється від його тлумачення в сучасній лінгвістиці. Важливо пам'ятати, що граматичні концепції поступово виникали не стільки через історичну зміну значення слова 'граматика', скільки через розбіжності в підходах до розмежування структурних частин граматики, специфіку аналізованого матеріалу, а також особливості конкретних наукових завдань, які висували науковці.

1. Знайдіть визначення граматики, запропоновані філософами Олександрійської школи (див. уривки з праць Діонісія Фракійського, Птоломея, Асклепіада, Харета, Веметрія Хлора, Арістона; див. *Античные теории языка и стиля, 1996. с. 111-112: VIII. Система «Александрийской» грамматики*). Як філософи визначали завдання та предмет дослідження?

2. Які розрізняли частини мови (див. там само: с. 125-145)?

3. Чим відрізнялися погляди грецьких та римських філософів стосовно вигуків (див. там само: уривки з праці Прісціана, XV, 40, с. 145)?

4. У чому полягає прогресивність поглядів Олександрійців на такі головні одиниці мови як слово та речення? Чим ці погляди відрізнялися від концепції стоїків, які спиралися на логічні засади в тлумаченні слова та речення (див. там само: уривки з праць Діонісія, Діомеда, Скавра, с. 124)?

5. Чи встановлено диференціацію членів речення на головні та другорядні? Який смисл надано членам речення у синтаксичному вченні Аполлонія (див. там само: уривки з праці Аполлонія *Синтаксис*, с. 145-149)?

4. Які важливі проблеми семантики розглядав Арістотель у працях *Поетика* та *Риторика* (див. там само: уривки з праці *Поетика* 21, с. 184-185; уривки з праці *Риторика* 4, 10-11, с. 190, 195-198)?

5. Прочитайте уривки з трактату Григорія Ниського *Про створення людини/ On the Making of Man*. Дайте відповіді на такі питання.

1. Яке значення, на думку Григорія Ниського, мало прямоходіння в еволюції людини? Як мислитель оцінює роль правої руки в розвитку мовленнєвої діяльності? Які функції правої руки він вважає найважливішими?

2. Як Григорій Ниський пов'язує прямоходіння з розвитком органів мовлення?

3. Які думки виловлює філософ стосовно мовленнєвої діяльності людини?

4. Прокоментуйте таке висловлювання Григорія Ниського: “словесное не иначе возникает в теле, как только растворившись с чувствами”.

5. Дайте оцінку положенням теорії Григорія Ниського з точки зору сучасної еволюційної гіпотези походження людського мовлення.

Григорий Нисский. Об устройстве человека, 1995.

Глава VII.

Почему человек обнажен от природных покровов и оружия

Но зачем нужна эта прямота облика? Почему тело не имеет врожденных сил для борьбы за жизнь? Ведь человек обнажен от природных покрытий, какой-то безоружный и бедный, нуждающийся во всем, что требуется для поддержания жизни. Кажется, что он достоин скорее сожаления, чем убажания <...>. Всем всегда что-либо от рождения дает природа для их спасения <...>. Из всех один только человек медлительнее быстроногих, ниже великорослых и беззащитнее тех, чья безопасность – в прирожденном оружии. И кто-нибудь спросит, как же такой получил начальство над всеми? Но тут я не вижу труда доказать, что мнимая недостаточность нашей природы – это повод к обладанию подчиненными. Ведь если бы человек был настолько силен, что быстротой превосходил коня, ноги его стирались бы от твердого, будучи защищенными копытами, наподобие лошадиных или парнокопытных, или чем-нибудь в том же роде, носил бы рога, жала и когти, то, во-первых, был бы он звероподобным и страшным, когда бы все это имело от рождения его тело. А кроме того, не нуждаясь в содействии подчиненных, он пренебрегал бы начальством

над другими. Теперь же наши жизненные потребности распределены между подъяремными нам и делают необходимым начальствование над ними. Медлительность и малоподвижность тела побудили использовать и обуздать коня. Нагота тела сделала необходимым присмотр за овцами, чтобы недостаток нашей природы восполнился ежегодным приношением шерсти. А наша потребность ввозить припасы для жизни даже из других мест для таких услуг запрягла вьючных животных. Неспособность, подобно скоту, питаться травой сделала подручными нам в жизни быка, который трудами своими облегчает нам жизнь. А поскольку была потребность иметь зубы и кусаться для защиты от других животных, зубами наносящих нам вред, то пес тут же предоставил в наше распоряжение свою челюсть и свое проворство, став для человека как бы одушевленным мечом. А еще придумал человек железное оружие, более крепкое, чем выставленные вперед рога, и более острое, чем концы когтей, которое не навсегда срослось с нами, как рога и когти зверей, но после того, как в нужный момент послужило нам в битве, остальное время отделено от нас. И вместо крокодиловой чешуи, бывает, человек делает самого крокодила средством защиты, на время надевая на себя его шкуру. А если ее нет, то мастерством и в нее обращается железо, чтобы, помогши во время войны, в мирное время оставить воина свободным от бремени. Услуживают нам в жизни и крылья птиц, так что, благодаря изобретательности, мы не нуждаемся даже в скорости пернатых. Одни из них делаются ручными и помогают охотникам; мы научили их завлекать других птиц для наших нужд. А мастерство, научив сделать стрелы наши крылатыми, при помощи лука дает нам для наших нужд скорость пернатых. И то, что ступням нашим при ходьбе легче причиняется боль и они стираются, сделало необходимым использовать то, что есть под рукой; ведь из этого можно сделать удобную для ног обувь.

Глава VIII

Почему облик человека прямой, и о том, что руки – для слова, и тут же некоторая философия о различии душ (1)

Облик человека прямой и тянущийся к небу, и смотрит он вверх. И этим обозначается его начальственность и царское достоинство. Ведь одно то, что из всех сущих таков лишь человек, а у всех прочих тела поникли долу, ясно показывает различие в достоинстве тех, кто преклонился перед владычеством, и возвысившейся над ними власти. У всех прочих передние конечности тела – ноги, потому что согнувшееся всегда требует подпорок; но в устройении человека эти конечности стали руками. Ведь прямому стану

достаточно было одного основания, надежно стоящего и на двух ногах. Но, помимо того, содействие рук помогает потребности слова. И если кто-нибудь содействие рук назовет особенностью словесной природы, он не совсем погрешит. Подразумеваю не только общую и очевидную мысль о том, что благодаря умению рук мы обозначаем слово буквами <...>, но имею в виду другое и говорю, что руки содействуют произношению слова. Но лучше, прежде чем исследовать это, обратимся в предложенной выше главе. Ведь мы едва не остались в неведении относительно порядка творения, – того, почему предшествует появление из земли растений, потом появляются бессловесные животные и затем, после их устройства – человек. Ибо, возможно, пойдем отсюда не только очевидное для разума – то, что Сотворившему оказались нужны для животных трава, а для человека скоты, благодаря чему прежде травоядных появилась их пища, а прежде человека – то, что должно служить человеческой жизни. Но мне кажется, что во всем этом Моисей объявляет некое сокровище учение и неизреченно преподает философию о душе, о которой мечтала и внешняя ученость, однако не уразумела отчетливо. Ибо Слово учит нас этим, что в трех различиях усматривается жизненная и душевная сила. Одна сила – только растительная и питательная, подводящая то, что нужно для роста питаемого; она называется природной и усматривается в растениях. Ведь и в растительном можно заметить некоторую жизненную силу, но не причастную чувству. Но кроме того есть и другой вид жизни, который включает и первый. Но прибавляет к нему управляемость через чувство; он есть в природе бессловесных. Они не только питаются и растут, но имеют и чувственное действие (энергию) и восприятие. А последняя (совершенная) жизнь в теле находится в природе словесной, то есть человеческой: она и питаемая, и чувственная, и причастная слову, и управляемая умом. Пусть же и в нашем слове будет принято такое деление: из всего сущего одно – умное, а другое телесное <...>.

А из телесного одно совершенно лишено жизни, а другое причастно жизненной энергии. Из живых же тел опять: иное живет с чувством, а иное лишено чувствования. Чувственное же вновь разделяется на словесное и бессловесное. Поэтому Законоположник говорит, что первой после неодушевленного вещества, как бы в качестве основы для [нанесения] идей одушевленного, была образована эта природная жизнь, предсуществующая в семени растений. После нее уже приходит в бытие то, что управляется чувством.

А поскольку, согласно этой последовательности, из принявших жизнь через плоть чувственное может быть само по себе без умной природы, но словесное не иначе возникнет в теле, как только срастворившись с чувственным, то поэтому последним после произрастающего и пасущегося был устроен человек, ведь природа известным путем последовательно шла вперед к совершенству. Ибо всякая идея душ срастворена словесному сему животному, человеку, ибо он питается по природному виду души, растительной [1] же способности [у него] прирождена чувственная, которая по своей природе занимает середину между умной и вещественнейшей сущностью – настолько грубее первой, насколько чище последней <...>.

Таким образом, природа как бы из ступенек, то есть из отличительных признаков (идиом) жизни, совершает путь восхождения от самого малого к совершенному. А поскольку человек есть словесное животное, нужно было устроить орган тела, соответствующий потребности слова. Как мы видим у музыкантов, что они в зависимости от вида инструмента исполняют разную музыку: на лирах не свиряют, а на свирелях не бряцают, – таким же образом следовало, чтобы устройство органов было соответствующим слову, – чтобы оно, издаваемое звучащими частями по мере потребности в словах, отдавалось бы в ушах должным образом. Ради этого и приданы телу руки. Ведь если бы человек был лишен рук, то, несомненно, у него, по подобию четвероногих, части лица были бы устроены соответственно с потребностью питаться: лицо было бы вытянутым и утончалось бы к ноздрям, у рта выдавались бы вперед губы, мозолистые, твердые и грубые, как это нужно, чтобы щипать траву, между зубами был бы вложен язык не такой, как теперь, а мясистый, жесткий и бугристый, помогающий зубам пережевывать то, что попало в зубы, или влажный и мягкий по краям, как у собак и прочих хищников, высовывающийся из пилы зубов сквозь щель между челюстями. Потому, если бы не имело тело рук, то как бы образовался у него членораздельный голос, когда устройство гортани не было бы приспособлено к потребности произношения? Тогда, несомненно, пришлось бы человеку блеять, или мяукать, или лаять, или ржать, или реветь, подобно быкам или ослам, или как-нибудь рычать по-звериному. Но теперь, когда телу дана рука, уста удобно служат слову. Следовательно, руки являются особенностью словесной природы, измышленной Зиждителем для удобства слову.

5. Укладіть глосарій головних понять і термінів до теми.